

чего. Про это есть расхожая история, как меня в Мексике потеряли родители и я жил в таборе. На самом деле в таборе, конечно, я там не жил, да и теряли меня, может, на час. Но так, чтобы я там прожил и из-за этого впитал в себя американские ритмы, — это, конечно, глупость.

А как случилась ваша историческая встреча с Ал Ди Меолой? Вы ведь в Нью-Йорке познакомились? Да. Это была случайность. Я познакомился с гитаристом, который работал с Алом звукоинженером и вторым гитаристом. Так получилось в клубе — он предложил публике сыграть. Я выперся играть, бывает иногда, и после концерта он предложил мне работу на следующий вечер. А я ему отвечаю: «Извини, не-когда. Завтра выступаю в Big Theatre на Бродвее». Он: «Не понял. Ты кем работаешь?» Я говорю: «Артистом, популярным там, приходи, в общем». Он увидел две тысячи семьсот людей на Бродвее, и у него упала челюсть — он не очень понял, что произошло. А после концерта подошел, сказал, что это достойно, и позвал на свой день рождения, сказав, что там будет Ал Ди Меола. Тут я уже удивился: «Что он у тебя будет делать?» — «Вообще-то я у него работаю, — отвечает, — приезжай познакомлю».

Сказочность в этой истории получается потому, что я несколько объединяю все фазы знакомства. Поэтому получается, что люди разговаривают друг с другом так, как будто это сразу печатается в газете. На самом деле все, конечно, было не «на следующий день», а в течение недели, но приблизительно было так. Приехал я на день рождения, а с ними очень просто общаться: чекушка водки двести пятьдесят граммов — и семеро американцев уже ржут, рассказывают анекдоты и пьяны абсолютно. А я сижу с грустным лицом, не знаю, о чем с ними разговаривать. Слава богу, жена гитариста этого, Ромеро, искала компаньона для распития текилы. В результате стало весело, и я предложил Алу ехать в Москву немедленно. Он сказал мне, что не поедет, потому что там мафия. На что я ответил: «Ал, я и есть мафия». — «Тогда поеду», — ответил он. Этот диалог слово в слово передаю, так и было. Ну а потом Ромеро был уже сам моим продюсером перед Алом, показывал ему мои записи. У него дома мы записали с музыкантами, работавшими тогда с Алом, два произведения на английском, которые ему показали. Пока наконец он не сказал: «Я хочу играть с этим парнем». Вернее, «Я могу сыграть с этим парнем». И потом все закрутилось. Он большой молодец, что поверил. Потому что опасения у него остались вплоть до последнего момента, когда он получил кассету с нашим фильмом-концертом. Он очень удивлен был качеством продакшна, съемок, записи, а я был жутко горд своей страной.

И самим собой. Нет. Самим собой я не могу быть горд за определенный поступок, потому что это какие-то вещи, которые нарабатываются временем. Я это могу. А счастлив я от удачных стечений обстоятельств, потому что съемки были один раз, без дублей. Я горд собой по жизни, потому что не поленился чему-то научиться. Остальное — как карты легли. Чего тут гордиться?

Были еще какие-то истории, когда за границей вы, впечатленные игрой, рвались на сцену? Да, в Нью-Йорке где-то в году 96-м мы с какой-то американской знакомой пришли в музыкальный клуб. И там на сцене зажигал какой-то бэнд. Подруга моя вся извилась в желании выпихнуть меня на сцену и в конце концов пошла упрашивать об этом музыкантов. Это вот звезда из России, говорила она, он хочет с вами спеть. Меня вызвали на сцену. «Ну, что будем петь?» — спросил меня один из них. «Я не хочу петь, я играть хочу», — отвечаю. «Ах, игра-а-а-асть мы хотим...» В таком примерно настроении. На сцене — одни черные люди. А они же очень пренебрежительно относятся, снисходительно к способностям белых в музыке, считая их игрушечными. В определенной степени, наверное, так и есть. Я встал за клавиши, они включили мне грустный рояльный звук, и, когда я сказал, что буду играть блюз, не уточнив, что он будет минорный, они заиграли обыкновенный фа-мажорный си-джем-блюз. От этой темы меня тошнить начало еще в училище. Неинтересно. Но, думаю, раз уж так получилось, надо. Выложился, сыграл импровизацию, быстро нажал очень много нот. Они въехали, что я себя загнал в тупик, и на двенадцатом такте я показываю гитаристу — ты? Нет, он мне показывает, играй дальше. Я еще раз эти двенадцать тактов импровизации и уже молящим взглядом на него — все, уже сыграл! У меня развития уже нет, я не с малого начал, а сразу с большого, и мне играть уже нечего. Есть такой закон джазовый — должно быть развитие.

Короче, квадрата четыре я отыграл. Они сыграли коду, потом «Калинку-малинку», я получил от клавишника комплимент, что у меня красивые часы, и с позором ушел со сцены. Был опозорен. Знакомая, оказавшая мне эту медвежью услугу, хлопала в ладоши и была самой счастливой в зале, потому что в музыке она ничего не понимала. Я был красный весь от стыда. В общем тогда я облажался. Но они не рады были видеть меня на сцене, я им нужен был для номера. Вот такие в России среди медведей живут пианисты. Не потому, что они такие плохие. У меня на сцене часто так бывает — спой песню «Королева»! А я не могу на сольном концерте — это дуэт с Анжеликой. И я говорю: вот если кто-нибудь из прекрасных дам в зале исполнит женскую партию, тогда давайте. О счастье, если выходит вся разукрашенная, в красном платье, абсолютно пьяная женщина и не попадает ни в одно слово. Это смешно так! Публика довольна так! Ну, закон, никуда не денешься.

Почему все концертирование связано с Нью-Йорком? А как же латинская музыкальная кровь?
Еще я играл в Майами, в Испании. На пляже ночью. Да пристали просто к уличному музыканту, отобрали у него инструмент. Мы снимали там клип «Того, кого не стоило бы ждать». И съемки были на пляже, а после них мы там же и затусовались. До девяти утра. Гитары у нас с собой были, пришлось отнять только перкуссию.

Долго ли вы решали вдвоем с Анжеликой, что свадьба будет в Венеции? Я долго уговаривал мою жену выйти за меня замуж. И когда я предложил ей свадебное путешествие в Венецию, она согласилась. Такая короткая история.

Мы были еще в Милане, Вероне. Верона — очень красивый город. Я вообще в Италии был еще в Неаполе. По-моему, все. До Рима никак не доеху. Каждый раз где-то в этих кругах. У нас друзья в Австрии живут, мы между Тиролем и Венецией вот так курсируем. Там уже знаем все. От Тироля до Милана.

Где бы вы жили, если бы не жили в России? Чем старше становишься, тем теплее должно быть на улице. Но при всем при этом ты везде, во всем мире, все больше русский. Тебе нужно что-то свое. Ты кем-то должен быть. Ты не можешь быть в Америке а-ля итальянец. Ты либо итальянец, либо нет. Ты можешь жить в Майами, но ты русский. Из-за того, что я родом отсюда, то я живу здесь. И мне нравится, когда я в Америке совершаю какой-то красивый поступок, например записываюсь на одной из известнейших студий Hip Factory, и при этом я русский. Но не который живет в Америке, а который отсюда.

Значит, вы должны гордиться группой «Тату» Абрамовичем... Я горжусь Спиваковым.

Дите ваше с Анжеликой уже отправлялось в свое первое путешествие? Конечно-е-е-ечно. Дите недавно побывало в Турции со всеми нашими мамами, бабушками. Нам было некогда и не очень хотелось появляться на русском курорте. Но, конечно, главное путешествие — это в Австралию пару раз. Но ей-то это все пока... Ну, море, ну, поплескались, ну, зоопарк. Крокодилы вот произвели на нее впечатление. Но специально путешествовать, для того чтобы ребенок что-то посмотрел пока рано.

Леонид -
«Самое экстремальное,
что я себе позволил —
горные лыжи в Австрии»

